

6. Сикевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 69–79.
7. Васенина И. Ценностные ориентации студенческой молодежи и экстремизм // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 116–119.
8. ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения: Герой нашего времени. 2007. № 4 (84), октябрь-декабрь. С. 108. URL: http://wciom.ru/fileadmin/content/monitoring/m84_2.pdf
9. Минюшев Ф.И. Социальное отчуждение: опыт нового прочтения // Социс. 2011. № 1. С.3.

VASENINA I., KUKHTEVICH T. THE RUSSIAN STUDENTS: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

The article presents the dynamics of Russian students' value orientations during the period starting from 1997 to 2007/2010, based on the results of sociological researches.

Key words: value orientations, traditional values, youth, students, mentality, consumer society, hedonism, higher education, patriotism.

В.Н. КОНЫШЕВ, профессор
А.А. СЕРГУНИН, профессор
Санкт-Петербургский
государственный университет

Система индикаторов **вузовской коррупции** **(гипотеза)**

Предпринимается попытка разработки и обоснования системы индикаторов вузовской коррупции в России как концептуальной предпосылки для раннего обнаружения и предупреждения различных уровней и видов этого опасного социального явления.

Ключевые слова: коррупция, высшее образование, система индикаторов вузовской коррупции.

Коррупция является опаснейшим социальным злом, тормозящим эффективное проведение социально-экономических и политических преобразований, включая реформу высшего образования России. По данным экспертов, сфера образования занимает второе-третье место по уровню коррупции [1, 2]. Ежегодный рынок коррупционных «услуг» в этой области превышает 5 млрд. долл., что сопоставимо с годовым бюджетом российской системы образования [2].

Общепризнано, что профилактика болезней (в том числе социальных), предупреждение их на ранней стадии – самое эффективное средство борьбы с ними. В свою очередь, разработка эффективно работающего механизма раннего обнаружения и предотвращения вузовской коррупции предполагает формирование *системы ин-*

дикаторов, позволяющей производить мониторинг коррупциогенных факторов на разных стадиях развития этого феномена. Именно создание такой системы индикаторов и является *основной целью* данного исследования.

Возможны различные подходы к составлению системы коррупционных индикаторов, которые определяются различными уровнями и видами коррупции, а также типами коррупционных взаимодействий в высшем образовании.

Первый возможный подход – *по уровням* вузовской коррупции.

«*Низовая коррупция*» (с одной стороны – абитуриенты, студенты, их родители, с другой – рядовые вузовские сотрудники, младший и средний уровень вузовского управления). Считается, что «низовая коррупция» (не только в сфере образования) воз-

никает и существует как один из сопутствующих элементов теневой экономики. По некоторым оценочным данным, в такой вид коррупции вовлечено чуть ли не две трети работоспособного населения [3]. Привлекательность «низовой коррупции» (включая сферу высшего образования) в том, что при минимальном риске для обеих сторон взятка помогает решить постоянно возникающие, зачастую незначительные проблемы. Она же служит небольшой платой за постоянную возможность нарушений законов и инструкций [4, с. 39].

Почти все работники вузов в ходе социологических опросов и в частных беседах признают, что прибегали к методам «низовой коррупции» в отношении своих коллег и административного аппарата в виде «скромных» подарков (шоколадки, коробки конфет, спиртное, цветы, сувениры и пр.) для решения каких-то рутинных вопросов. То есть горизонтальная разновидность «низовой коррупции» распространена в вузах практически повсеместно.

Вероятность наличия и масштабы распространения «низовой коррупции» среди профессорско-преподавательского состава (ППС) можно определить, исходя из уровня базовой заработной платы ППС по отношению к университетам, имеющим не меньший показатель по российским и зарубежным рейтинговым системам. Если зарплата ППС значительно ниже, чем у преподавателей других вузов за тот же объем работы, то у педагогов возникает искушение «исправить» ситуацию за счет других (а именно – коррупционных) источников дохода.

Следует отметить, что масштабная «низовая коррупция», несмотря на внешне «невинный» вид, весьма опасна, т.к. она создает благоприятный психологический фон для существования других уровней и форм коррупции, а также формирует «коррупционный менталитет» у реальных и потенциальных участников коррупционных взаимодействий.

Для замера уровня «низовой коррупции» и одновременно формирования системы мер противодействия ей можно выделить следующие индикаторы:

- наличие или отсутствие мер защиты преподавателей от взяточдателей;
- наличие или отсутствие системы мер по внутреннему расследованию фактов коррупции и принятию управленческих решений на уровне факультета и университета;
- наличие или отсутствие практики оповещения о фактах коррупции и доведения до студентов и преподавателей сведений о законодательных и процедурных мерах защиты от коррупции;
- наличие или отсутствие в вузе перечня действий, подпадающих под понятие коррупционных, и доведение его до сведения студентов и преподавателей;
- показатель участия представителей студенчества в работе ученых советов факультетов по вопросам контроля качества образования;
- показатель морально-этических качеств преподавателей (по итогам опроса среди студентов);
- степень терпимости к проявлениям коррупции среди студентов (по итогам опроса среди студентов);
- наличие или отсутствие «линии доверия» для студентов, которые сталкиваются с вымогательством взятки;
- степень прозрачности для студентов и преподавателей правоотношений по поводу поступления и обучения в университете (в частности, наличие детальной процедуры пересдачи экзаменов и зачетов);
- наличие или отсутствие системы взаимодействия с правоохранительными органами и со студентами по поводу профилактики и пресечения коррупционной деятельности;
- процент платных студентов от общего числа обучающихся;
- процент льготных мест при поступлении на бюджетные места, повышающий конкуренцию между абитуриентами, по-

ступающими «на бюджет» на общих основаниях;

- наличие или отсутствие программ и учебных пособий для самостоятельной довузовской подготовки абитуриентов по профилю предстоящего обучения;

- наличие или отсутствие аккредитованных при университете подготовительных очных и дистанционных курсов для абитуриентов;

- процент поступивших абитуриентов – победителей олимпиад российского уровня и приравненных мероприятий от общего количества поступивших в вуз и на отдельные факультеты/образовательные программы.

«*Верхушечная коррупция*» (высшее руководство вузов, работники министерств и ведомств). Причина ее существования – нежелание (или неумение) высшего эшелона вузовской системы принимать решения в рамках открытых демократических процедур. Отсутствие демократической культуры, желание лишней раз продемонстрировать свою власть, ограниченность финансовых и материальных ресурсов (которые хотелось бы распределить среди «своих»), стремление использовать свое служебное положение в целях личного обогащения или для дальнейшего карьерного роста – вот основные мотивы, которые руководят вышестоящими коррупционерами.

Косвенным свидетельством наличия в вузе «верхушечной коррупции» может служить периодическая ревизия внутренних нормативов университета без ведома трудового коллектива (особенно в области установления стимулирующих надбавок для ППС и административного аппарата). Так, прерогатива установления подобных надбавок может передаваться от непосредственных руководителей (зав. кафедрами, деканов), которые, как правило, лучше знают достоинства и недостатки своих подчиненных, в ректорат, который склонен к «уравнюлке» при назначении надбавок (причем на более низком уровне).

При этом сама система назначения надбавок может быть не до конца прозрачной и понятной. Так, в одних вузах сначала при назначении надбавок могут особенно «цениться» опубликованные ППС монографии и учебные пособия. Потом приоритеты могут внезапно поменяться, и в расчет будут прежде всего приниматься, скажем, наличие или отсутствие у преподавателей индексов цитирования и статей в рецензируемых журналах из списков ВАК, Web of Science и Scopus. Почему книги и учебники, которые всегда являлись общепризнанными значимыми результатами научной и учебно-методической работы ППС, попадают в «опалу», так и остается непонятным. В других же вузах эти показатели могут по-прежнему оставаться «в цене».

Некоторые исследователи предлагают вводить так называемый *средний уровень* коррупции, под которым понимается коррупционное взаимодействие между ППС и руководством вуза. Более подробную «расшифровку» понятия среднего уровня коррупции можно получить при рассмотрении конкретных видов вузовской коррупции.

Второй возможный подход к составлению системы коррупционных индикаторов – выделение *форм (видов)* коррупции. Рассмотрим некоторые из них.

1. *Коррупция в связи с поступлением абитуриентов в вуз.* Большинство российских специалистов считают, что коррупция в вузе теперь начинается еще до поступления туда будущего студента. В частности, они подчеркивают, что введение ЕГЭ подтолкнуло многих школьных и вузовских преподавателей к мздоимству через систему репетиторства [5].

В свою очередь, этот вид коррупции распадается на три подвида: 1) плата за получение необходимых баллов по ЕГЭ; 2) плата за получение нужных оценок на олимпиадах, дающих право поступления в вузы без экзаменов; 3) репетиторство для сдачи дополнительных экзаменов, которые устанавливают наиболее престижные вузы для

контроля за качеством оценок, полученных по результатам ЕГЭ.

По одним данным, только в 2009 г. на репетиторство всех видов по стране было потрачено 1,4 млрд. долл. [2]. По другим данным, расходы населения на коррупционный способ поступления составляют около 1 млрд. долл. [6], а на репетиторство приходится 25% от этой суммы. Взятка за поступление в университет составляет сумму от 500 долл. до 20 тыс. долл. По другим данным, средняя сумма взятки за поступление в вуз в Москве составляет 4,2 тыс. долл., по России (кроме Москвы) – 1 тыс. долл. [7].

Отметим, что система репетиторства ни на стадии сдачи ЕГЭ, ни при прохождении дополнительных вступительных испытаний не спасает высшую школу от некачественных студентов. Повторные испытания, проведенные в ряде вузов в сентябре-октябре 2009 г., показали, что до 60% принятых по результатам ЕГЭ студентов не обладают элементарными знаниями школьной программы [7]. А это означает, что коррупционный рынок в вузах будет расти. Теперь за каждую контрольную работу, зачет или экзамен такой студент-«недоросль» будет стараться заплатить деньги преподавателю или руководителям факультета, превращая их в коррупционеров.

Ряд российских вузов пытается принять меры, чтобы искоренить коррупцию на этапе поступления абитуриентов в университет. Так, в марте 2011 г. ректор Санкт-Петербургского государственного университета Николай Кропачев на очередном совещании деканов заявил, что будет строжайшим образом пресекать коррупцию во время очередной вступительной кампании. Он потребовал, чтобы деканы на встречах с абитуриентами предлагали им сообщать обо всех случаях, носящих явно коррупционный характер, по электронной почте. Информация об этих случаях будет доводиться до всеобщего сведения [8].

2. Многочисленные формы коррупции,

имеющей место в процессе обучения студентов. Известны такие приемы, как, например, *вымогательство педагогами взятки* у студентов во время сессии или *навязывание им платных консультаций*.

Ряд социологических опросов в 2008 г. показал, что 90% студентов давали «на лапу» преподавателю хотя бы один раз в течение учебного года. Средняя «цена» взятки составляла 1 тыс. руб. По этим оценкам, коррупционный рынок преподавательских услуг в вузах составляет 300 млн. долл. в год [2]. Однако вызывает сомнение репрезентативность этих данных, т.к. ни личный опыт авторов, ни ряд других социологических исследований не подтверждают такой массовости по данному виду коррупции.

Нередко имеет место *навязывание преподавателями покупки их книг и учебно-методических пособий*, хотя, как правило, литература этого рода имеется в университетских библиотеках в достаточном количестве.

В вузовской практике наблюдается и такое явление, как давление студентов, не желающих учить предмет, на педагогов (*навязывание взятки*). Как правило, это характерно для малопrestiжных вузов, где обучаются студенты, главным мотивом которых является получение заветных «корочек» (диплома) для продолжения своей карьеры, а не приобретение настоящих знаний.

К сожалению, широко распространено и *давление на педагогов со стороны коллег или руководства* (как правило, со стороны зав. кафедрой или декана/зам. декана) с целью проставления «нужной» оценки «нужному» студенту на экзамене или зачете. Примечательно, что эта форма коррупционного взаимодействия, как правило, не имеет денежного выражения. Оно совершается по принципу «услуга за услугу» или путем прямого административного давления, когда рядовой преподаватель просто не может отказать в удовлетворении просьбы/приказа своему начальнику.

3. *Покупка диплома у ответственных лиц вуза или через посредника.* Продажа дипломов о высшем образовании является весьма доходным бизнесом. По некоторым данным, в России ежегодно продается до 100 тыс. поддельных дипломов на общую сумму до 2 млрд. долл. [2].

Большая часть этой торговли идет помимо самих вузов – на станциях метро, рынках и площадях и в Интернете. Сегодня более 2 млн. страниц в Интернете предлагают купить диплом о высшем образовании. Разброс цен – от 10 тыс. руб. до 30 тыс. долл. [2]. Цены зависят от способа изготовления диплома. Большая их часть произведена кустарно. Часть имеет натуральные гознаковские бланки, но поддельные подписи и печати. Наиболее дорогие дипломы делаются «с проводкой», то есть их обладатели оказываются вписанными во все официальные документы соответствующего вуза. Разумеется, это делается уже при непосредственной помощи работников вузов и является частью вузовской коррупции.

Не меньший интерес для мошенников всех уровней представляет и рынок научных должностей и научных званий. Ежегодно в нашей стране продается до 10 тыс. кандидатских степеней и до 5 тыс. дипломов доктора наук, что составляет в общей сложности до 350 млн. долл. дохода для криминальных структур [2]. И не факт, что все это делается, минуя чиновников ВАК и Минобрнауки.

4. *Коррупция в процессе назначения или избрания профессорско-преподавательского состава.* «Вузы давно уже стали прекрасной кормушкой для их руководства, – отмечает культуролог А. Плущер-Сарно, – продаются должности на кафедрах и даже целые кафедры...» [6]. На наш взгляд, подобная оценка является преувеличением и касается далеко не всех вузов. Университеты с устоявшимися научно-педагогическими традициями не подвержены таким примитивным формам коррупции. В

большинстве российских вузов в данной области определяющими являются все-таки профессиональные качества преподавателей. Их карьерный рост более всего зависит от достижений в учебно-методической и научной работе, тем более что существуют определенные установленные государством достаточно жесткие правила для продвижения по должностной лестнице и получения ученых степеней и званий.

К тому же в наиболее престижных вузах эти правила еще более ужесточены локальными нормативными актами. Так, в МГУ, СПбГУ и НИУ–Высшая школа экономики для оценки эффективности деятельности преподавателей вводятся такие относительно новые критерии, как количество публикаций в журналах из списка ВАК, а также в зарубежных рецензируемых журналах из списков Web of Science и Scopus, наличие у педагогов индексов цитирования в Web of Science, Scopus и РИНЦ и пр. Эти критерии являются решающими не только для должностного роста преподавателей, но и для назначения академических (стимулирующих) надбавок к их основным зарплатам.

Вместе с тем в частном порядке многие преподаватели и из этих вузов признают, что фактор хороших личных отношений с начальством, а также с членами ученых советов, от которых зависит их избрание на должность или присвоение ученых степеней и званий, имеет важное значение. Эти отношения вряд ли можно отнести к прямым формам коррупции. Как правило, они культивируются на протяжении длительного времени и являются частью сложной системы обменов взаимными услугами, которые непросто классифицировать как однозначно коррупционные.

5. *Коррупция в сфере грантово-проектной деятельности* (распределение внутренних вузовских грантов и конкурсы по федеральным целевым программам). Надо отметить, что далеко не все вузы вовлечены в данный вид деятельности, и пото-

му степень коррумпированности данной сферы можно оценивать лишь на примере сравнительно небольшой группы вузов.

Что касается распределения внутривузовских грантов, то, конечно же, система личных связей и кумовства играет здесь немалую роль, но она имеет свои ограничения, т.к. на глазах относительно небольшого вузовского коллектива нельзя постоянно присваивать гранты только «своим да нашим». Руководству приходится «делиться» и давать гранты действительно достойным кандидатам. И в этом случае решающую роль играет наличие научного задела и публикаций по теме предполагаемого исследования, высокой научной репутации кандидата (ов), команды единомышленников, международных и межвузовских связей и пр.

Чтобы ограничить проявления коррупции в сфере грантово-проектной деятельности в рамках вуза, необходимо обеспечить должную степень открытости принимаемых в данной области решений. Комплексный показатель в этой сфере мог бы включать в себя:

- заблаговременную публикацию объявлений об открытии конкурса, а также критериев, по которым оцениваются проектные заявки;
- участие представителей факультетов в выдвижении и утверждении состава экспертной комиссии на уровне университета;
- участие представителей факультетов в конкурсных комиссиях на уровне ректората;
- доступ конкурсантов к результатам голосований конкурсных комиссий по проектам и к экспертным заключениям по всем проектам;
- публикация результатов проектной деятельности на сайте университета.

Особый случай – конкурсы по линии федеральных целевых программ, курируемых министерством. В университетской среде бытует мнение (хотя и мало чем подкрепленное), что в этой сфере степень кор-

рупированности весьма высока. Сложно объяснить какими-то другими причинами, кроме «откатов» министерским чиновникам, тот факт, что многомиллионные гранты по таким специфическим темам, как национальная безопасность России, борьба с терроризмом, политическая теория и пр., получали периферийные вузы (к тому же непрофильного характера), где зачастую вообще нет кадров для выполнения подобных проектов.

К сожалению, с коррупцией на этом уровне бороться чрезвычайно сложно, т.к. она трудно доказуема и не существует эффективного механизма контроля за министерскими структурами, отвечающими за исход конкурсов, реализацию проектов и одновременно выполняющими надзорные функции.

6. Нецелевое использование федеральных средств. Довольно распространенной является практика перемещения денежных средств с одной статьи университетского бюджета на другую с целью их увода в «нужные карманы». Есть и другие коррупционные схемы. Так, нередко в конце календарного года у вуза накапливаются неизрасходованные средства, скажем, на приобретение оборудования, учебной литературы или на командировки. Чтобы не возвращать эти деньги обратно государству, их всеми правдами и неправдами пускают на другие цели – на премии руководящим и приближенным к руководству сотрудникам университетов, устройство новогодних празднеств, проведение конференций (с искусственно «вздутым» бюджетом), публикацию дорогостоящих книг и сборников статей и пр. Правда, с каждым годом это делать все сложнее, т.к. контроль со стороны проверяющих органов становится все жестче, а наказания за нарушения финансовой дисциплины в отношении руководства – суровей.

В дополнение к мерам государственного контроля необходимо сделать так, чтобы в каждом вузе расходование бюджетных

средств руководством университета имело более прозрачный характер, а ректорат и деканы регулярно отчитывались перед трудовым коллективом по этому вопросу.

7. *Нецелевое использование средств международных проектов, реализуемых вузом.* Поскольку расходование средств по зарубежным грантам менее контролируемо со стороны российских и зарубежных проверяющих, то в данной сфере нарушения встречаются довольно часто. Так, переведенные на счета российских вузов средства по международным проектам часто «прокручиваются» через банки прежде, чем они доходят до непосредственных исполнителей. В заграникомандировки по линии международных проектов часто ездят не их реальные участники, а начальство или их «любимчики». Проведение тендеров на приобретение оборудования по международным проектам (что, как правило, является обязательным требованием зарубежных грантодателей) часто носит фиктивный характер, оборудование покупается у «своих» фирм, хотя сочетание цены и качества оказывается далеко не всегда самым лучшим.

8. *Взятки проверяющему органу (или членам комиссии) в процессе лицензирования или аккредитации университета.* Как это ни печально, сама система лицензирования и проверки работы вузов устроена таким образом, что она порождает коррупцию. Многие критерии, установленные министерством для лицензионно-аккредитационной процедуры, нацелены скорее на количественные, чем на качественные показатели, и ими при желании можно манипулировать [9, 10]. Не секрет, что с помощью разных махинаций многие частные и малые государственные вузы проходят эту процедуру гораздо легче, чем солидные вузы, имеющие многолетние традиции, но формально не отвечающие тому или иному требованию (нормативы по обеспеченности студентов учебной литературой, количество кв. м. вузовской площади и компью-

теров на одного студента, процент штатных преподавателей, имеющих ученую степень, и другие показатели, которые в действительности можно улучшить «на ходу», в рабочем порядке). Эти вузы становятся легкой «добычей» министерских взяточников.

Сомнение вызывает и сам способ формирования состава проверяющих комиссий. Как правило, Минобрнауки дает проверяемому вузу право рекомендовать членов комиссии. Разумеется, министерство оставляет за собой право утверждать или не утверждать тех или иных членов комиссии и, конечно же, по своему усмотрению назначает председателя комиссии. Такая система формирования проверяющих комиссий таит в себе немало коррупционных возможностей, т.к. вузы рекомендуют в состав комиссий лояльно настроенных к ним людей. Сама комиссия в процессе проверки окружена такой трогательной «заботой» со стороны проверяемого вуза, что в отдельных случаях это граничит с открытым подкупом. И, конечно же, в конце проверки, если она имеет положительный результат, члены комиссии могут рассчитывать на получение «соответствующего вознаграждения» (что, опять-таки, трудно доказуемо, ибо делается без свидетелей).

Исключения составляют те случаи, когда тот или иной вуз настолько «проштрафился», что министерство решает устроить показательную «порку» (вплоть до его закрытия). Тогда комиссия формируется самим министерством без учета мнения вуза, и о «подношениях» членам комиссии речи не идет.

Представленная в данной статье система индикаторов вузовской коррупции является лишь гипотезой. Необходимы, разумеется, более основательные эмпирические и теоретические исследования, опирающиеся на обширный социологический материал.

Авторы данного исследования также отдают себе отчет в том, что сама по себе (даже самая совершенная) система индикаторов и мониторинга на их основе не яв-

ляется панацеей от получившей широкий размах вузовской коррупции. Однако она могла бы стать серьезным подспорьем в борьбе с этим опасным общественным явлением.

Литература

1. *Аванесов В.С.* Комплексный подход к противодействию коррупции в образовательной сфере // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Научный эксперт, 2007.
2. *Комков С.* Российское образование – бездонный сосуд коррупции. URL: <http://forum-msk.org/material/society/1641144.html>
3. *Кузьминов Я.* Слабость государства порождает коррупцию // Независимая газета – Политэкономика. 1999. 23 ноября.
4. *Валуев В.Н., Макарычев А.С.* Коррупция в России: политологические подходы // Коррупция в России: муниципальные, региональные, федеральные, международные аспекты. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2000. С. 35–52.
5. *Нишуков В.* При нынешнем уровне среднего образования коррупция в высшем образовании неизбежна. URL: <http://liberty.ru/columns/Gorod-kontrastov/Prinyeshnem-urovne-srednego-obrazovaniya-korrupsiya-v-vysshem-obrazovanii-neizbezhna.html> (21.05.2010).
6. Коррупция в вузах: причины, разновидности и перспективы (редакционная статья) // Капитал страны. 2009. 21.09. г. URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/174089>
7. Образование и коррупция. Интервью В.Е. Шудегова – заместителя председателя Комитета Государственной думы по образованию // Антикоррупционер. URL: <http://www.anti-corrupcioner.ru/node/19>
8. Ректор СПбГУ просит сообщать о коррупции при поступлении по электронной почте. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/03/29/130/>
9. *Сергунин А.А.* Управление качеством подготовки специалистов области международных отношений // Образование в области международных отношений в российском регионе: государственный стандарт и региональные особенности. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2003 С. 164–173.
10. *Сергунин А.А.* Управление качеством подготовки российских специалистов в области социальных наук в контексте Болонского процесса // Болонский процесс: проблемы и перспективы. М.: Оргсервис-2000, 2006. С. 35–43.

KONYSHEV V., SERGUNIN A. SYSTEM OF INDICATORS OF CORRUPTION IN THE HIGHER EDUCATION (HYPOTHESIS)

An effort to develop a system of indicators of corruption in the Russian higher education is made. These indicators aim at early detection and prevention of various levels and forms of this dangerous social phenomenon.

Keywords: corruption, higher education, system of indicators of corruption in higher education.

